

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №21 ГАЗЕТА

Михаил Попов / Трое неизвестных

ПОПОВ Михаил Михайлович

Автор большого количества книг, среди которых исторические и фантастические романы, и романы в стиле «нового реализма». Наиболее известны и неоднократно переиздавались: «Пир», «Тамерлан», «Огненная обезьяна», «Пора ехать в Сараево», «Вивальди». Лауреат премий: имени Платонова «Умное сердце», имени Ив. Бунина, премии Московского правительства, международной премии Москва-ПЕННЕ и др. Произведения переведены на китайский, английский, французский, арабский, немецкий, латышский языки. Неоднократно экранизировались. Фильм «Арифметика убийства» по повести М. Попова «Племянник» получил Гран-при на фестивале «Киношок».

ДЕЛА
ЛИТЕРАТУРНЫЕ

Профессия «писатель» обретает правовой статус

Несколько дней назад на сайте Минтруда был выставлен для двухнедельного общественного обсуждения текст документа под названием «Профессиональный стандарт «Писатель». Он был подготовлен Литературным институтом имени А. М. Горького, а доработан по замечаниям специалистов Минтруда Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР), возглавляемой известным писателем и общественным деятелем Сергеем Шаргуновым. «Актуальность разработки профессионального стандарта «Писатель», — говорится в предваряющей документ пояснительной записке, — прежде всего, обусловлена необходимостью урегулировать вопросы, связанные с правовым статусом писателя. Это даст возможность обеспечить писателей социальными гарантиями согласно трудовому и пенсионному законодательству, применить действующие и разработать новые меры поддержки писателей».

Много лет литературное сообщество негодовало, что в реестре Минтруда отсутствует профессия «писатель». В этом усматривалось равнодушие власти к положению литераторов в обществе, едва ли не их социальное унижение. Любое писательское собрание начиналось с обращённого к власти вопроса: «Доколе?». Два года назад вышло распоряжение правительства о подготовке профстандарта. Разрабатывать его было поручено Литинституту — базовому образовательному учреждению, готовящему специалистов соответствующего профиля. В течение двух лет проводились круглые столы, запрашивалось мнение писателей из российских регионов, издателей, редакторов, деятелей культуры. Выставленный на общественное обсуждение документ поддержали руководители крупнейших писательских объединений: Союза писателей России, Российского союза писателей, Союза писателей Москвы, Союза писателей Санкт-Петербурга, Российского книжного союза.

Любой профстандарт — это, прежде всего, бюрократический документ, написанный пресловутым «канцеляритом». Существуют определённые инструкции, нормы и правила: ни шагу в сторону.

Критиковать стилистику и художественную выразительность этого документа бессмысленно, как и смеяться над формулировками, приземляющими полёт писательской фантазии, сводящими священные идеи свободного творчества к параграфам, таблицам и сухим служебным констатациям. Не следует забывать и то, что профстандарт — это не подлежащий строгому исполнению догмат, а всего лишь систематизированный перечень рекомендаций для работодателей, принимающих на работу специалистов нужной им квалификации. Главное же, он никоим образом не ограничивает писателей в их творчестве, оставляя за каждым право писать всё, что он хочет и как хочет. Смысл профстандарта в обеспечении и защите социальных прав работающих писателей, таких, к примеру, как подтверждение их рабочего стажа, упрощение оформления пенсий, получение предусмотренным законодательством льгот. Литинститут и АСПИР следует похвалить за проделанную работу.

Естественно, найдутся критики, как без этого. «А вот у поэта, — можно вспомнить Блока, — всемирной запой и мало ему конституций». Бессмысленно спрашивать, нужен ли профстандарт у коммерчески успешных авторов, каких в России сегодня немного. Как и у тех, кто ходит с вечной фигой в кармане. Те сразу вспомнят Сталина, цензуру и преследования Иосифа Бродского. Профстандарт нужен добывающим хлеб «в поте лица своего» рядовым литераторам для подтверждения их трудовых прав и социального статуса в обществе. Обсуждаемый сегодня документ — проверка литературного сообщества на зрелость. Если всё уйдёт в «хайп», чёрный юмор, ёрничество — государственные структуры утвердятся во мнении, что «других писателей в России нет», пусть живут, как хотят. Будет обидно, если получится так. Утверждение профстандарта — всего лишь первый шаг к восстановлению престижа писательской профессии. На очереди — возвращение утраченного имущества Литфонда, принятие закона о творческих союзах, разработка базового издательского договора, обеспечивающего достойные гонорары авторам.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Забоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2024
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №21 /1962/ Основана в 1927 г.

Михаил Попов

Трое неизвестных

Текущая литература

Часть вторая

Шардаков-старший и Шардаков-младший сидели в комнате общежития Литературного института и ели сало с хлебом. Вошел сосед Романа по комнате, длинный, худой, прыщавый парень с пышной шевелюрой, по имени Краснов, и сел на свою кровать, возясь с какой-то тетрадкой. От предложенного угощения отказался. Шардаковы продолжили разговор, начавшийся до появления Краснова.

— Ну и кто у вас сейчас, — старший покрутил кистью руки в воздухе, — во главе, так сказать, списка?

— Чего?

— Кто владеет общественным мнением? Лебедев? Евгений Николаевич?

— Умер, — вступил в разговор Краснов.

— А я не слыхал.

— Недавно, — объяснил Краснов. — Только он до этого еще и уволился.

— Уволили, — уточнил младший Шардаков.

— Кто? Лебедева? За что?

— «Кто, кто»? Есинг, Николай Францевич, — ухмыльнулся Роман.

Общими силами объяснили ветерану института, что студенческий любимец Евгений Николаевич попался на глаза злому ректору подшофе и схлопотал замечание. Будучи человеком с большим чувством самоуважения, тут же написал рапорт об уходе. Бестрепетный Есинг шустро наложил визу, вместо того чтобы отправить заявление в долгий ящик.

— Правда, Евгений Николаевич тут же нашел себе место замдиректора ИМЛИ, так что ничуть не прогадал.

— Зато мы прогадали, — сказал Роман.

Начало романа см.: «Роман-газета» № 12 за 2023 год

- А от чего умер-то?
- Ну... — пожал плечами Краснов.
- От того самого, — мрачно сказал Роман.

Шардаков-старший еще некоторое время по инерции жевал челюстями.

— Похороны были роскошные, — сказал Краснов.

— А остальные, уж боюсь даже спрашивать? Джимбинов?

— Бемыч? — Краснов кивнул. — Любят его. Дядька славный.

— А Смирнов?

— Ну-у, это... — Краснов даже развел руками, будто пытаясь обхватить маленькое облако.

— А старый мхатовец?

— Это кто?

— Михаил Палыч.

— Почему мхатовец? — искоса посмотрел Краснов.

Шардаков-старший виновато улыбнулся:

— Как бы это... любил паузы закатывать. Войдет, стулом грюкнет в пол и стоит пять минут.

— И сейчас закатывает, — сказал Роман.

— Его любят, — подтвердил Краснов.

— Ну а Гусев?

— Владимир Иванович? — спросил Роман.

— Иванович, Иванович.

— Ну, тоже, можно считать, пользуется.

— То есть любят?

— Кое-кто.

— Так значит, у вас все по-прежнему. Общественно-историческая модель изменилась, а за годы моего отсутствия экипаж понес минимальные потери.

— Нет. ДП пришел.

— Кто?

— Дмитрий Александрович Панин.

Роман, до этого момента не проявлявший особого интереса к беседе, тут явно оживился.

* * *

Дмитрий Александрович ходил всегда в костюме и галстуке. Костюмов у него было два: темный и светлый. Темный носил зимой, светлый — весной и ранней осенью. Ростом он был высок, немного грузноват, но рост скрывал эту особенность. Голос — бархатный баритон, в котором чувствовались три поколения высшего образования, внешность характерная — чуть раздобревший Николай II. Портрет последнего русского царя можно было увидеть в любом учебнике истории, и студенты сразу распознали его игру. Усы, борода, предчувствие участи во взоре. Очень хотелось его спросить: «А вы не тайный потомок Его Величества?» Но так никто и не спросил.

Роман попал в семинар Димитрия Александровича по текущей литературе. Был в богоспасаемом вузе такой предмет, где рассматривались произведения, только что прогремевшие на страницах журналов и в

книгах наших многочисленных издательств. Молодые писатели должны были обучаться не только на образцах своего собственного творчества, но и на произведениях наиболее талантливых из своих современников.

В семинаре было человек пятнадцать. Помимо Романа и Жени Садофьевой, Краснов, эстонская, как потом выяснилось, националистка Катрин Вяли, латышская националистка Лелде Стумбре, подружки Ася Немировская и Наташа Пчёлкина, начавшие с первого занятия осторожно заигрывать с Димитрием Александровичем, и другие, менее выразительные ребята. Работа строилась следующим образом. Руководитель семинара, в данном случае Дмитрий Александрович, выбирал из потока литературы, называемой текущей, какое-то конкретное произведение, ставшее предметом всеобщего внимания, и предлагал студентам высказаться о нем. Назначались два официальных оппонента, но высказаться должны были все.

На первом занятии руководитель удивил своих учеников дважды. Сначала он поправил Краснова, сказавшего «Дмитрий Александрович», настаивая, что он именно Дмитрий. Все это запомнили, но были немало удивлены. А потом он начал говорить удивительные вещи о современной отечественной литературе. Такого никому еще слышать не приходилось.

Как-то он дал нам понять, не манифестируя откровенно, что вся эта система советских премий — Ленинские, Государственные — нисколько не гарантирует высокого литературного качества премированных произведений. Да, на дворе стояло уже начало 90-х годов, и многие ниспровергательские ветры уже вырвались наружу, так что уже вот так, на официальном занятии, причем походя, можно было сказать, что брежневская «Целина» есть продукт труда кремлевских журналистов, и это уже не заставляло поёжиться. По крайней мере, Романа Шардакова не заставляло. Но значительно сильнее на него подействовал другой выпад преподавателя — залп по двум фамилиям, олицетворявшим в его домашнем окружении образ великой русской литературы. Андрей Дементьев и Борис Васильев.

Из поэта Дементьева была процитирована строчка «Я ненавижу в людях ложь» с комментарием: тоже мне, мол, открытие, все люди ложь обожают, и только поэт Андрей ненавидит и разоблачает.

Сзади кто-то прыснул.

Роман почувствовал, что ему тоже охота. Но было некогда. Речь Димитрия Александровича летела дальше, и он уже вел разговор о «невыносимой пошлости этой прозы» — речь о тексте «А зори здесь тихие...». Если про Дементьева он уже что-то неприятное и сам думал, то тут ДП коснулся пока скрытых тайников его души, только еще всплывающих изпод наслоений привычного, смиренного отношения к

заслуженным образцам отечественного прозаического искусства.

— Прошу понять меня правильно, северный подвиг отечественных девушек эпичен, как «Илиада». Гитлеровцам нельзя было дать прорваться. Но в замысле этой прозы скрыт неявный яд.

Роман как будто слышал, как рушатся в его сознании замки Мордора и разбегаются разоблаченные орки.

— «Не стреляйте в белых лебедей»... Не чувствуете пошловатой коннотации, тошнотворной красоты?

Почувствовав, что, кажется, слегка перегнул, Дмитрий Александрович развернулся в центре аудитории и пошел обратно к доске.

— Есть такая профессия — родину защищать, — раздался сзади голос Краснова. Неуверенный.

— Да, да.

Аудитория смущенно молчала. Только Катрин Вяли и Лелде Стумбре веселились.

Уже после первого занятия чувствовалось, что у их преподавателя, этого самого Дмитрия Александровича, готова своя табель о рангах, очень мало совпадающая с официальной, которую они могли почерпнуть в своих районных библиотеках перед поступлением в уникальный вуз.

В общезнании этого вуза творилось черт-те что, продвигались и более радикальные идеи, вплоть до штурма Зимнего или Кремля, но весь смысл был в том, чтобы сказать что-то очевидно антисоветское именно на официальном занятии. Уже напечатаны были «Дети Арбата», и показано по телевидению «Собачье сердце», и Сталина никак не называли в разговорах, кроме как упырем, усатым вампиром, но что-то мешало вздохнуть совсем свободно. Дмитрий Александрович показал, как это делается: не надо раздувать щеки, пытаюсь втянуть в легкие как можно больше воздуха свободы, достаточно просто продолжать естественный дыхательный процесс, и демоны сами собой рассеются.

Полтора часа пролетели незаметно. Роман Шардаков шел с занятий, слегка покачиваясь, не замечая, что его дергают за рукав и обращаются с вопросом. Это было даже сильнее, чем в тот раз, когда он взял в библиотеке томик Пастернака и отправился вдоль по Тверскому бульвару, срочно погружаясь в глубины отечественной культуры. Провинциальная жизнь была обидна тем, что совершенно негде было взять приличных стихов — ни в районной библиотеке, ни в книжном магазине. По телевизору же сплошной Рождественский вперемешку с Расулом Гамзатовым. Литинститут давал возможность ликвидировать многолетнее отставание, но скармливал ценные эстетические продукты громадными кусками. Юношеские желудки весьма объемисты, но все равно что-то там недопереваривалось, что-то цвело, но

что-то и гнило, и физиологические ветры буквально сотрясали хрупкую юношескую фигуру.

Как же так, спросят меня, Роман столь был продвинут в части культуры фэнтези и ничего не слышал о том, что творится на соседних письменных материках? Не слышал и не интересовался. Увлечение фэнтези сродни сектантству и накладывает на глаза тяжелые шоры. Пока не явился пророк от реальной культуры, душа Романа дремала, вернее, трудилась в глухом забое.

На следующее занятие был заявлен Николай Рубцов.

У Романа было свое представление об этом поэте, и оно мало чем отличалось от его представления об Андрее Дементьеве: Рубцов для него был почти таким же представителем официозного литературного генералитета. Верно и то, что он плохо его знал, для того чтобы сделать более верный вывод.

Да и поэзию не слишком-то любил. Сказать по правде, его поэтический золотой запас был наполнен главным образом киноцитатами из фильмов Эльдара Рязанова. Хорошее стихотворение Ахмадулиной, хорошее стихотворение Цветаевой. Вообще, для него было важно, чтобы за какой-то текст кто-то «вступился» своим голосом. Так, во время абитуры ему страшно понравилось и крепко запомнилось стихотворение Заболоцкого, прочитанное кем-то из парней: «Целый день стирает прачка, муж пошел за водкой». Он его насмерть запомнил, и Николай Заболоцкий очень долго оставался в его сознании автором одного этого текста.

И вот ему достается «доклад» о творчестве Николая Рубцова на предстоящем семинаре.

Взял в библиотеке том, изданный в «Советской России», переписал оттуда, максимально исказив оригинальные предложения, предисловие и, трясясь от волнения, вошел через неделю в аудиторию.

Началось.

Потая и покашливая, прочитал свое не свое сочинение.

Сел на место.

И тут началось.

Представительница эстонского народа — пышнотелая, приятно косноязычная Катрин смело, без всякого стеснения заявила, что совершенно не понимает, в чем такой уж «высоченный и ужасный» уровень поэта Рубцова. Она прекрасно понимает все его слова, простые совсем, но не видит среди них никакой поэзии.

В горнице моей светло,
Это от ночной звезды,
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.

Обычная картина в доме. «В горнице», одно слово, которое ей пришлось спросить у Лелде (латыш-

ки, соседки по комнате), остальные простые совсем. «От звезды мало совсем света — это, я понимаю, такой троп, но не сильный. Мама героя идет за водой с одним ведром, у нас на хуторе ходят два ведра. — Она показала коромысло на плечах. — И песни никто не поет, потому что ночь. Где поэзия? Я подвигница, я столько искала, но поэзии нет».

Роман с ужасом понял, что он не в состоянии объяснить представительнице другого народа прелесть этих стихов, хотя и понимает, что должен чувствовать за них ответственность.

И тут вступил Димитрий Александрович. Он словно ждал момента, держал на сворах свои ретивые, даже яростные фразы. Попав под вал блестящих, точных, сильных и всяких других аргументов, Катрин просто плюхнулась на место и обиженно прищурилась за стеклами очков.

Говорил Панин минут семь или десять, ничего невозможно воспроизвести дословно — слишком все это было неожиданно, слишком неслось, слишком сверкало. Запомнились только последние слова, представлявшие собой простую риторическую фигуру в конце выступления: «Волга впадает в Каспийское море, а Пушкин это наше все!»

Повисла пауза.

Краснов крякнул.

Садофьева послала учителю воздушный поцелуй. Лелде и Катрин переглянулись, но смолчали.

Роман дал себе слово, что перечитает Рубцова. И полюбит.

Сколько ему было лет? Когда Роман его впервые увидел — наверное, под пятьдесят. Или за пятьдесят. Сколько именно, не имеет значения. Димитрий Александрович принадлежал к тому классу людей, что оставались как бы законсервированными и лишь к концу жизни внезапно резко сдавали и уходили на покой, как английские чиновники из Индии: считалось неправильным, если туземцы увидят господина немощным и неспособным.

Набор манер у него был примерно таков, как и у всех прочих преподавателей института. Держался он запросто, дружелюбно, немного иронично по отношению к вечно опаздывающим и вечно говорящим глупости на экзаменах студентам. Помимо текучки, читал он что-то из русской литературы девятнадцатого века. И вот стоило ему только взойти на кафедру, как он преображался и вещал поверх голов потрясенных студентов. Как будто дула некая серебряная метель, в которой мелькали фигуры знакомых писателей.

Они (студенты) не всегда понимали его, особенно поначалу, и не все любили, но постепенно втягивались и привыкали к завораживающей манере. Даже иностранки.

Уже известная Катрин спросила его однажды со свойственной ей бестактностью, почему он не пишет стихов.

Он длинно посмотрел на нее, чуть исказил линию царских усов и, оставив без ответа, пошел своей дорогой. Даже Катрин догадалась, что сказала что-то не то.

О таких вещах, как личная порядочность и моральная чистоплотность, и говорить нечего.

Рассказывали, что в последние годы советской власти стустились гэбэшные тучи над одним преподавателем. Собственно, и непонятно, почему стустились. Читал он фольклор, ну, как свойственно почти всем преподавателям Лита, допускал порядочные и даже длительные отступления от программы, но, кажется, на него поступил в инстанции некий донос. Преподаватель этот шел по пятой графе, а Димитрий Александрович был слегка... как бы это сказать... в высшем, никак не в бытовом смысле антисемит. Ровно настолько, как его любимый Александр Блок. Так вот, когда нашего фольклориста стали выгонять с должности, Димитрий Александрович — правда, не один, а в компании еще нескольких порядочных людей — пошел к Николаю Францевичу вступаться за несчастного.

Случай этот остался в анналах института, надо понимать, оброс шерстью дополнительного содержания, но что было, то было.

Не помогло, фольклориста выгнали.

Студенты тоже возмутились, правда, никуда не ходили.

Так и хочется сказать: такова студенческая любовь, с глаз долой — из сердца вон. Но так ли это?

Димитрий Александрович был удачно и, можно даже сказать, красиво женат, имел двух успешных и совершенно не литературных детей, они даже не учились в нашем институте. Дом вела его супруга Инна Ивановна, дом был хлебосольный, а если в гости приходил Михаил Павлович Ерёмин, то и музыкальный. Брался он там за свою редкую московскую семиструнную гитару, и закатывались вечера. Впрочем, такие же, как у самого Михаила Павловича, когда там собиралась вся поющая кафедра.

Сразу вслед за первым занятием Димитрий Александрович занемог — почечная колика, — и его на пару пар заменил, как бы в целях осознания нами, семинаристами, трагического контраста, господин Власенко. Он на нас свалился с повестью Алеся Адамовича «Каратели», она тогда только проявилась, и сверху потребовали соответствующей на нее реакции.

Власенко дал реакцию.

Выработал во всех слушателях семинара стойкое отвращение к повести белорусского классика, в данном случае ни в чем не виноватого. Повесть была очень даже себе ничего. Только нас этими сожженными деревнями было не пронять. Нами все это — ужасы нацистского кровавого хамства на землях многогосударственного отечества — воспринималось не впрямую, не как бывшее на самом деле, а как некий театр кабуки. Наши преподаватели как будто играли с нами в некую игру, в условия ее входили разговоры

о жутких немецких зверствах, но мы-то про себя тихо помнили, что нация, которая делает такие шикарные машины, как «мерседес», не может быть в чем-то виновата.

Кроме того, если учесть, что сам Александр Владимирович Власенко имел репутацию отсидевшего чуть ли не за то, что был полицаем во время войны, попытка с его стороны получить искреннюю злость в адрес немцев выглядела комически.

Мы и веселились.

Шестидесятипятилетний толстяк Александр Владимирович делал вид, что на нас сердится, угрожал привести свирепого ректора, но пронять нас не мог.

И тут вышел Димитрий Александрович. Он застал еще теплящиеся очажки нашего веселья и обдал нас таким холодом...

Да, Алесь Адамович не самый большой стилист советской послевоенной литературы, но то, о чем он пишет...

Мы сидели как распяты. И прибалтийки, и влюбленные в него дурнушки с первой парты, и выпученный, краснощекий Краснов, и Роман Шардаков, и хитрющая Садофьева.

Димитрий Александрович утверждал, что, скажем, в Западной Белоруссии погиб не каждый пятый, а каждый второй житель, что... в общем, много что утверждал, и так это говорил, что ни у кого не возникало ни малейшего желания возразить. Только у Краснова.

— А правда, что Власенко был полицай?

— Отставить инсинуации, — сухо сказал Димитрий Александрович.

Было не очень понятно, но вместе с тем ясно, что на эту тему базарить хватит.

Было в нем что-то офицерское: выправка, четкость, мужественная готовность любую проблему встретить лицом к лицу, даже выйти ей навстречу. Хотя впоследствии выяснилось, что он не только офицером не был, но даже срочную службу не служил. Освобожден по зрению. А как же очки? Очков он не носил. Оказалось, — это Шардаков узнал почти случайно, когда ему удалось сблизиться с Димитрием Александровичем, — линзы. Всегда не выносил очков и всегда носил линзы. Именно поэтому у него был такой необычный взгляд, решил Роман, хотя вряд ли был прав.

Но при всем своем внешнем офицерстве Димитрий Александрович не был рабом военной и армейской темы. Это обнаружилось довольно рано. Садофьева читала на семинаре машинопись — видимо, получила ее на время — и, зная, что ДП не любит, когда его семинаристы отвлекаются на не им санкционированное чтение, все же решилась...

— Что это?

В ее планы не входило огорчать Димитрия Александровича, и она с извиняющимися ужимками продемонстрировала рукопись.

— Георгий Иванов.

— Эмигрант.

— Можно и так сказать.

— А как еще?

Тут что-то Садофьеву переключило, и она выпалила:

— Великий русский поэт.

— Дайте. — ДП протянул руку.

— Мне всего на одну пару дали.

— Я не порву и не присвою.

Взял машинопись, состоявшую из двадцати примерно страничек, вернулся к своему столу, сел, прочитал.

— Это ребята с семинара Владимира Павловича...

Непонятно, зачем это сказала Садофьева, никто ее об этом не просил, просто не удержалась, но все же вышло, будто кого-то подставила. Хотя стояли уже совсем уж либеральные времена, конструкция ситуации была все же с крохотной дрянцой.

— Мне все равно, — сказал ДП, как бы показывая, что он не собирается ничего помнить о рукописи, которую сейчас возвращает Садофьевой.

Садофьева сделалась пунцовой, пытаюсь понять, как же она так обмишулилась.

И вдруг сам завел речь о Георгии Иванове. Роман оглянулся на Садофьеву, она сидела с каменным лицом. Речь шла о том, что мы каждому поэтическому художнику должны быть благодарны за его вершины, и роль его в большой русской поэзии определяется именно ими, достигнутыми им вершинами. Даже у Блока не более пятнадцати процентов сильных стихов.

— А остальные? — ужаснулся Краснов.

— Проходные.

Садофьева склонила голову. Она была понятливой девочкой. Глухо сказала:

— Владимир Павлович тоже так считает.

ДП ничего на это не ответил, но продолжил некую речь, не для всех понятную:

— У Александра Блока ЕГО проходные стихи, а не Одарченко какой-нибудь захудалый.

— Одарченко? — непонимающе вскинулась Садофьева.

— Самый обыкновенный Одарченко.

Все непонимающе вертели головами от нее к ДП. Потом, конечно, выяснили, кто это, но смысл случившейся пикировки не всем и не до конца остался ясен. Неужели ДП наезжает на самого Жоржа Иванова, суперсвященную корову Литинститута?!

Однажды, уже в двадцать первом веке, Роман, роясь в своих бумагах, нашел некий список. Судя по имевшейся на нем дате, относился список к тому времени, когда он, Роман Шардаков, был студентом третьего курса института. В списке были имена, очень хорошо известные, но уже потихоньку уходящие во мглу истории литературы:

«Анат. Ким “Луковое поле”, “Соловьиное эхо”, “Нефритовый пояс”

Ан. Афанасьев “В Москве в 70-х”

Коваль “Самая легкая лодка в мире”

Георг. Семенов “Фригийские васильки”

Проханов. Романы. “Место действия”

Семин “Плотина”

“Территория” Куваев

Влад. Соколов

Иосиф Бродский “Обстановка (так) в пустыне”.

Анчар. “Самшитовый лес”.

Бондарев, Бакланов.

КУРОЧКИН, ВОРОБЬЕВ

Эппель Асар.

Чабуа Амир.

Набоков. Стихи.

Грант Матевос. “Буйволица”

Ю.Кузнецов.

Рубцов.

Пригов?

Виктор Астафьев. “Рыба”

Анатолий Курчаткин. “Очки”

Метаметафористы.

Влад. Бондаренко “Сорокалетние”

Дедков “Анти”»

Не очень отчетливо, но все же помнил Роман, что список этот был надиктован ДП. На одном из семинаров. Правда, не вспоминалось, с чем было связано это надиктовывание. Очевидно, Дмитрия Александровича попросили предъявить что-то вроде своего преподавательского кредо. Он и разразился. Причем это было один раз, вообще-то он не был любителем подобных аттракционов.

Исследование этого списка неизбежно приводит к выводу, что его автор являлся несомненным женоненавистником.

Ни одного дамского имени, хотя в последней трети двадцатого века творило немало весьма одаренных женщин. А тут ни Ахмадулиной, ни Петрушевской, ни Татьяны Толстой. И не скажешь ведь, что среди упомянутых писателей в штанах отмечены были только несомненные таланты. Роман прекрасно помнил почти пренебрежительное отношение к творчеству Георгия Семенова, называемого любимым писателем библиотекаря. Анатолий Курчаткин вообще был помечен не названием книги, а назван на одном из семинаров «суперсорокалетним». И не очень-то было понятно, что это значило. Вообще, генерации сорокалетних было, на взгляд того, стареющего Романа, уделено слишком много внимания. Пропиарен был главный идеолог поколения Володя Бондаренко, его лидер Александр Проханов, по мнению ДП, вообще не состоялся как романист, оставив потомкам лишь один скромный по объему шедевр «Мусульманская свадьба». Да и обозначение Игоря Дедкова говорило отнюдь не об Античности.

Личное сближение Романа и ДП состоялось неожиданно. На одном из последних занятий, совсем последних, когда заканчивались семинары по текущей литературе, предусмотренные расписанием, на четвертом, кажется, курсе, Дмитрий Александрович выставил зачеты всем, и выставил благодушно, автоматом. Роман сидел в пустой аудитории, возясь с замком своего портфеля, любимый преподаватель вдруг окликнул его. Они были в помещении вдвоем. Дмитрий Александрович тоже был занят своим портфелем.

— Рома, у вас всё на сегодня?

— Да.

— Пойдемте пообедаем куда-нибудь.

Предложение было оглушительным по неожиданности, так что Роман не сразу совладал со своими связками и просто кивнул головой.

* * *

— Женя!

— Я, Евгений Винокурыч.

— Вы как-то очень, я бы сказал, по-армейски отвечаете.

Евгений Винокуров старательно приспособливал правую ногу у себя под животом. Он любил цитировать Ходасевича, забросив ногу на ногу. Живот маленького человека достигал колен, для ноги не было места, но привычка требовала своего.

— Знаете, Женя...

— Не знаю, Евгений Винокурыч.

— Я вообще не люблю эти разговоры про дисциплину и материальный порядок.

— И я не люблю, — отвечала Садофьева, изображая, как все студентки в подобной ситуации, оскорбленную невинность.

— Но учебная часть выкручивает мне руки.

— И мне тоже.

Винокуров надул немаленькие брыля, сморгнул глазами. Ему не нравилось, как отвечает студентка Садофьева, но он как-то не мог понять, на чем ему ее прищучить. И потом, он дорожил званием самого либерального и высокопоставленного семинара, где не бьют эти низменные организационные связи.

— Второй курс, Женя.

— Кризис, Евгений Винокурыч.

— Насколько я помню, кризис вам действительно положен к третьему. — Умный и талантливый руководитель семинара поймал наконец нужную волну.

— Я ранний ребенок, — отвечала Женя Садофьева.

— Как говорил Сталин Фадееву, постарайтесь в порядке партийной дисциплины уложить это мероприятие в два года.

Женя Садофьева кивнула и вздохнула, потому что почувствовала — семинар в основном перестал ей сочувствовать и хотел бы поговорить с «золотым рогом» эмигрантской поэзии.

Евгений Винокуров переустроил на место правой ноги левую, это значило, что он начинает читать, а студентке Садофьевой пора бы заткнуться. Она увидела выпученные на нее глаза студентов Иманова и Чехонадского и вдавилась в глубь стула. Там она пребывала в состоянии угрюмой растерянности. Она понимала, о чем ведет речь Евгений Винокурыч, так умело и позволительно комкалось его отчество.

После довольно заметного успеха ее первого обсуждения в начале первого курса (речь идет о цикле «Люди, звери и герои») она до поздней зимы второго курса все отговаривалась околичностными причинами и не даровала семинару текстов для нового обсуждения.

Уже было пора.

Ничего за душой не было.

Следовало признать, что ее план просидеть на этой похищенной (будем прямо говорить) у неизвестного автора подборке не удастся. Тем более что Евгений Винокуров дьявольски умен и видит лажу на четыре фута под килем. И вообще было слегка подозрительно, что шеф опустил до обсуждения таких низменных материй. Раньше, как сумела разобратся Женя, он отдавал всю эту сторону работы семинара на откуп старосте.

Неужели что-то чует, начинает медленно выводить студентку Садофьеву на чистую воду?

Надо раскинуть мозгами. Время, кажется, еще есть. Литинститутский семинар — машина с очень медленным ходом.

Ну вот, раскинула этими самыми мозгами. Что ж получается? Из чего можно слепить подборку на обсуждение?

Вариант первый: написать самой. Нет, это не вариант. Получится что-то до такой степени мерзопакостное, что сразу же обнаружится вся ее игра. Придется отвечать на вопрос «а откуда взялась первая подборка?» — ведь разучиться писать стихи еще труднее, чем разучиться ездить на велосипеде.

Вариант второй: откуда-нибудь добыть тексты. Вариант добыть сам собой распадается еще на два варианта: украсть и купить. И тот и другой чреват скандальными последствиями.

Женя впала в мрачное состояние духа.

Можно попроситься в академический отпуск. По состоянию здоровья личной музы. Но академ — это тоже всего лишь отсрочка.

Надо сделать так, чтобы ей пожертвовали какие-то тексты на добровольной основе. Надолго, если не навсегда. По крайней мере, на три с половиной года.

В груди потеплело.

* * *

Они выскользнули из широко распахнутых ворот института на Тверской бульвар и отправились вверх, к Пушкинской площади. Там они пересекли бульвар и пошли по Тверской улице в сторону Красной пло-

щади, то есть маршрут пролегал по самым центральным территориям мировой столицы.

Роман не решился спросить, куда они, собственно, идут. Оставили за спиной кафе «Лира», одно из любимых мест прогуливания студентами института законных пар. Миновали кафе-мороженое «Север», но тут особенно и не пообедаешь.

Дмитрий Александрович вел какую-то речь. Как потом помнилось Роману, о Венгерском восстании 1956 года. Преподаватель показывал на росшие вдоль улицы деревья и говорил о том, как венгерские фашисты вывешивали на таких же деревьях в Будапеште работников местной госбезопасности, вывешивали за ноги и били качающиеся тела ботинками по голове. Роман, конечно, кое-что слышал о венгерских событиях, о наших танках на улицах тамошней столицы, но ничего не знал о повешенных телах и о том, что с ними делали. По мнению Дмитрия Александровича, это было чудовищно.

— И все разговоры о том, что люди Ракоши были евреями, я считаю мерзостью!

Роман кивал, показывая, что согласен — фашизм отвратителен.

Спустились под Тверскую улицу и перешли на другую сторону.

Очевидно, ресторан «Столичный», решил Роман, интересно, как они туда попадут? Наверно, у такого стильного человека, как Дмитрий Александрович, есть свой подход к метрдотелю.

Но, выйдя из перехода, они двинулись не к ресторану, а к книжному магазину «Москва». «Неужели там теперь наливают и шницель подают?» — без всякого юмора подумал Роман.

Книжный магазин остался позади.

«Ну, тогда только “Арагви” по курсу». Романа такой выбор ДП тоже бы не удивил, он продолжал пребывать в состоянии великолепного удивления, помноженного на полнейшее доверие к учителю.

Все оказалось проще. Дмитрий Александрович подошел к входной двери дома, смотрящего окнами на конную статую Юрия Долгорукого, и порылся пальцами в кодовом замке.

— Пришли, — сообщил он. И сразу же прекратил рассказ о кровавых событиях 56-го года, словно не хотел вносить этот разговор на территорию своего жилища.

Поднялись в лифте на четвертый этаж.

«Это кем же надо быть, чтобы так поселиться?» — почти испуганно думал Роман.

Дверь открыла высокая, как показалось студенту Шардакову, красивая женщина в домашнем халате.

— Моя супруга Инна Ивановна, мой коллега Роман Шардаков, — представил гостя и хозяйку Дмитрий Александрович.

Хозяйка предложила обувь не снимать и добавила, что обед подаст через несколько минут. После чего удалилась.

Таких квартир Роман еще не видел. Коридор — хоть на пролетке катайся; мебель, очевидно, вся красного дерева или карельской березы. Повсюду застекленные шкафы с книгами — в общем, какой-то книжный музей.

ДП показал, где помыть руки.

Ванная комната потрясла гостя еще больше, чем погруженная в приятный полумрак библиотека. Когда он вышел, был сопровожден хозяином квартиры в столовую. В этом доме обедают в столовой, а не на кухне. Еще на что обратил внимание Роман — это картины и фотографии с изображением различных самолетов, а также модели летательных аппаратов на подставках в самых различных местах.

В столовой во главе стола стояла красивая хозяйка, уже сменившая халат на шикарное платье.

Роман даже затосковал от всего этого блеска. Есть ему очень хотелось, но он не был уверен, что будет способен проглотить хотя бы ложку супа из этой роскошной старинной супницы, что стояла в центре стола на белоснежной скатерти.

Сели.

За окном маячил Юрий Долгорукий, что-то ощупывавший вытянутой очень длинной и властной рукой.

— Так, у нас сегодня окрошка соответственно майскому времени. Вы не против, Роман?

— Я за, за, — кивнул студент.

— Но для пищеварения... — Дмитрий Александрович взял в руку пузатенький, холодный на вид графинчик, очевидно с водкой, и наполнил рюмки.

От мысли, что ему придется не только есть с любимым преподавателем, но и пить, Романа прошиб пот.

— Товарищу Шардакову уже исполнилось восемнадцать, — перехватил ДП строгий взгляд жены.

Выпили. Закусили селедочкой под зеленым лучком и разварной картошечкой. Инна Ивановна начала разливать окрошку из огромной старинной супницы.

— Заметьте, коллега, окрошка выполнена по благородному московскому рецепту. Знаете, в чем его, как говорят современные молодые литераторы, фишка?

Шардаков виновато развел руками.

— Сметана, овощи, квас, колбаска — тут как в любой пензенской или нижегородской окрошке. Но на дно супницы кладется три-четыре кусочка соленой рыбки, отчего мы имеем едва уловимый, но совершенно неотразимый привкус.

Выпили еще.

Говорили о многом. Дмитрий Александрович дал разъяснение на не поступивший от Шардакова вопрос обо всех этих «картинах и моделях». Оказалось, что авиационный уклон не случаен. Инна Ивановна была внучкой одного из летчиков, спасших в свое время челюскинцев с арктической льдины. Ста-

новилося понятно, откуда квартира в центре Москвы и эстампы на стенах. Шардаков так и не понял, чья именно из героев арктической авиации внучка Инна Ивановна — Громова или Байдукова, а переспрашивать было неудобно. Дмитрий Александрович говорил так, словно высекал надпись на мемориальной плите, не хотелось попадаться ему под руку.

— Два сына, Ослябя и Пересвет, шучу, Дмитрий и Александр. Уже выпорхнули из гнезда. Пошли, можно сказать, по пути, проложенному прадедом. Один, который Дмитрий, — командир авиационного полка на Дальнем Востоке, второй — диспетчер в Шереметьеве.

На второе была свиная отбивная с молодой картошкой. Предшествовала ей третья рюмка водки, от которой у Романа в голове приятно зашумело.

— А что пишет Роман? — раздался голос Инны Ивановны.

— Прозу, — сухо сказал гость, чтобы не сказать глупость.

— Роман на переходе от одной манеры к другой. Влияние англоязычной сказочной литературы снижается, а русской реалистической растет.

Инна Ивановна сделала вид, что все поняла.

Роман, несмотря на опьянение, а может, благодаря ему понял. Дмитрий Александрович предьявляет своего семинариста как пример своей педагогической успешности. Как если бы стилисту удалось перенести в военную форму. Сказать, что ему это понимание было неприятно, нельзя, но все же...

Можно сказать, что Роман был принят в доме у Дмитрия Александровича, но бывал там не слишком часто. Инна Ивановна осталась для него неразгаданной загадкой. Всегда приветлива, свежа, неназойливо остроумна, во главе хлебосольного дома — всякое посещение квартиры под рукой Долгорукого обставлялось богатым русским обедом. Иногда одновременно с Романом являлись и другие представители кафедры, Михаил Павлович Ерёмин например, но почему-то Роман ни разу не видел в гостях у Дмитрия Александровича Смирнова — наверно, не приходилось.

Один раз Роман был в доме ДП в тот момент, когда туда явился Михаил Павлович, и ему показалось, что при всей сердечности и хлебосольности Панина у старика все же было ощущение, что он чуть-чуть на официальном приеме. Он, так сказать, «не снял пиджака», не открылся полностью.

Инна Ивановна любила поболтать с наиболее приближенным учеником ДП, и все восхищалась, как он «при такой семье» сумел выбиться в «нормальные, светлые люди». Роман предпочитал не приоткрывать перед Инной Ивановной глубины своей души, полные «гниющих чудовищ» (так ему казалось), и не бороться с образом «светлой личности», складывающимся в голове супруги своего любимого учителя.